

ГЛАВА 26. ПЯТНИЧНОЕ ЧАЕПИТИЕ И ЗЕРКАЛО ЕИНАЛЕЖ

После того как Амори принял приглашение Гарри Поттера заглянуть на чай к Хагриду, многие сокурсники-слизеринцы принялись под самыми разными предлогами отговаривать его. Казалось, он собирался не на чаепитие, а как минимум присягать на верность Ордену Феникса. Впрочем, Амори всегда было глубоко плевать на чужое мнение. Едва закончились уроки зельеварения, он вместе с Поттером отправился к лесничему, совершенно не заботясь о том, какими сложными взглядами провожают их гриффиндорцы, слизеринцы и лично профессор Снейп.

Следуя за Гарри, Роном и Гермионой, Амори дошёл до маленькой хижинки Хагрида, стоявшей на самой опушке Запретного леса. В глубине души он не мог не восхищаться широтой души Дамблдора. Десятилетия назад, когда в магическом мире ещё процветала дискриминация полукровок, он набрался смелости не только принять в школу великана-полукровку, но и оставить его работать в Хогвартсе. Нетрудно было понять, почему Хагрид стал его самым преданным сторонником. В конце концов, директор был его покровителем и единственной защитой.

Амори внутренне усмехнулся. Люди редко делятся на просто «хороших» и «плохих», хотя и в мире маглов, и в мире магов все привыкли вешать ярлыки. Если ты не поддерживаешь Орден Феникса, значит, ты на стороне Пожирателей смерти.

Сразу после падения Волдеморта Визенгамот судил сторонников Тёмного Лорда с почти фанатичной суровостью. Согласно открытым архивам, не менее пятнадцати волшебников были казнены по ошибке — треть от общего числа приговорённых. Остановил это безумие именно Дамблдор. Если бы не его вмешательство и призывы других магов к благоразумию, маховик репрессий продолжал бы вращаться. С принятием «Кодекса Визенгамота 1982 года» смертная казнь была практически отменена, и высшей мерой наказания стал «Поцелуй дементора».

С другой стороны, и в годы правления Волдеморта принимались важные законы. Самый известный — «Уложение о морали волшебников», строго запрещавшее магам использовать свои способности для помощи маглам. И хотя этот закон часто называли бесчеловечным, многие считали, что именно он обеспечил стабильность и безопасность обоих миров, поэтому его сохранили до сих пор. Но больше всего Амори поразил тот факт, что в своё время Волдеморт подписал с его дедом «Акт о нейтралитете больницы Святого Мунго», благодаря чему лечебница уцелела в пламени почти вековой магической войны.

Мир магии не делился на чёрное и белое.

Гарри протянул руку и постучал в дверь, которая была несоразмерно огромной.

— О, Гарри! — Хагрид с жаром обнял мальчика, но тут же заметил Амори. — А ты что тут делаешь?

— Хагрид, это я его пригласил, — поспешно объяснил Гарри.

Хотя великан на мгновение выглядел недовольным, он быстро взял себя в руки и жестом пригласил всех войти.

Как и описывалось в книгах, угощение у Хагрида было, мягко говоря, несъедобным. Из вежливости Амори всё же съел кусочек каменного кекса, пока лесничий увлечённо болтал с Гарри.

— Хагрид, Драко на днях обозвал Гермиону «грязнокровкой», — пожаловался Рон.

— Ох... — Хагрид горестно вздохнул. — Как же так? Не бери в голову, Гермиона. Ты будешь одной из лучших учениц в истории Хогвартса. Не позволяй этим мерзким словечкам Малфоев задеть тебя.

— Я и не позволяю, — быстро ответила Гермиона, хотя кончики её ушей покраснели от похвалы.

— Гарри, — Хагрид покосился на Амори, — думаю, тебе стоит держаться подальше от плохих волшебников.

— Плохих волшебников? — Амори холодно усмехнулся.

— Такие, как ты, кто не поддерживает Дамблдора, в конце концов всегда становятся Пожирателями смерти.

— Я просто не люблю войну. Ни за твоего Дамблдора, ни за того же Волдеморта. — Услышав это имя, все присутствующие, кроме Поттера, вздрогнули. Амори не сдержал насмешки: — У вас даже не хватает смелости произнести его имя, а вы ещё рассуждаете о борьбе с ним?

В хижине воцарилась ледяная тишина. Амори решил, что раз уж разговор начат, стоит договорить до конца.

— Оппозиция Дамблдору и поддержка Пожирателей смерти — это разные вещи, не так ли? Не забывай: если бы мой дед в самом начале войны не провёл переговоры с Волдемортом и не подписал соглашение о нейтралитете, больница Святого Мунго давно лежала бы в руинах. Потери ваших мракоборцев и членов Ордена Феникса удвоились бы, не будь у них места для лечения. В самые тяжёлые годы наш род в одиночку финансировал Мунго, спасая госпиталь от банкротства. А что в это время делал Дамблдор? Проповедовал о необходимости жертвовать всё имущество на нужды Ордена. К концу войны тот сосредоточил в своих руках почти тридцать процентов богатств магической Британии, но после победы эти деньги растворились в неизвестном направлении. И в итоге пособия всем пострадавшим и их семьям выплачивали те самые семьи, которые ты называешь «плохими».

Хагрид молчал. Слов Амори нельзя было опровергнуть — факты говорили сами за себя. Гарри

попытался сгладить углы. Конфликты и войны были привычным делом и в мире магов, и среди людей. Ещё до своего перерождения Амори помнил бесконечные сводки о столкновениях Израиля и Палестины. Иногда причины войн казались нелепыми, как Столетняя война между Англией и Францией. Сама по себе война не вызывала у него отвращения — когда все иные средства исчерпаны, она становится закономерным финалом. Но его тошнило от мысли, что в эти игры втягивают детей или превращают гражданские объекты в военные цели.

Больше всего Амори не любил Дамблдора за то, что тот превратил Хогвартс в заложника своих амбиций. Пока он занимал пост директора, школа бесперебойно поставляла Ордену пушечное мясо. Сколько выпускников отправлялись на фронт прямо со школьной скамьи, одурманенные его пламенными речами? Сколько несовершеннолетних стали его резервистами? Амори иногда всерьёз задумывался: не был ли Дамблдор каким-нибудь засланным радикалом-экстремистом?

Чаепитие закончилось в неловкой атмосфере, но Амори по-новому взглянул на Гарри и его друзей. Он знал: новая война неизбежна. И на этот раз он сделает всё, чтобы Дамблдор не превратил Хогвартс в тренировочный лагерь для своих солдат. Даже в мире маглов использование детей на войне считается преступлением, достойным международного трибунала.

Приближалось Рождество. В декабре на замок обрушились небывалые снежные бури. Почта работала с перебоями, совы не летали, и замок казался вымершим. Почти все ученики забились в свои спальни или гостиные — только там жарко пылали каминные. Классы стали самыми неудобными местами во всей школе. Разве что в кабинете профессора Флитвика было тепло — он заколдовал над партами подобие парника. На уроках же Снейпа в подземельях было настолько холодно, что пар от дыхания мгновенно превращался в ледяную крошку. Кроме того, Северус строго запретил пользоваться палочками, так что согреться заклинанием было невозможно. Все с нетерпением ждали каникул.

— Самое прискорбное, — протянул Драко, в очередной раз пытаясь поддеть Гарри на зельеварении, — что некоторым беднягам придётся торчать в школе на праздники. Наводит на мысли, не отказались ли от них собственные семьи?

Амори нахмурился и негромко заметил:

— Драко, вообще-то я тоже остаюсь в школе на это Рождество.

— А? — Малфой опешил. — Я... я не тебя имел в виду!

Амори посмотрел на смущённого Драко и, сам не зная почему, почувствовал лёгкую весёлость.

После урока ученики гурьбой повалили из подземелий. Вдруг в коридоре показалась огромная движущаяся ель. Вскоре Амори разглядел, что дерево тащит на себе Хагрид.

— Привет, Хагрид! Помочь? — крикнул Рон, подходя ближе.

— Всё в порядке, спасибо, Рон. Я справлюсь сам.

— Может, вы дадите пройти? — Драко, раздосадованный неудачей на уроке, решил взять реванш. — Уизли, ты что, подрабатываешь на карманные расходы? Надеюсь, после школы ты займёшь место Хагрида. Для тебя ведь его хижина — настоящий дворец, верно?

Не дожидаясь, пока Снейп скроется за поворотом, Рон бросился на Драко и схватил его за грудки.

— Уизли! — рявкнул появившийся Снейп. Рон был вынужден отпустить Малфоя.

— Профессор Снейп, его спровоцировали, — Хагрид высунул голову из-за еловых веток, пытаясь заступиться за мальчика. — Мистер Малfoy оскорблял семью Рона.

— Как бы то ни было, драки в коридорах нарушают школьные правила, — небрежно отозвался Снейп. — Пять баллов с Гриффиндора. Поттер, скажите спасибо, что я не снял больше.

Амори вздохнул и пошёл дальше. Конфликты Драко и Гарри его не трогали, но их детское упрямство временами вызывало острую головную боль.

Проходя через Большой зал, он не мог не восхититься мощью магии. Весь Хогвартс был украшен с такой пышностью, словно сошёл со страниц сказки. Амори подумал о том, что Гарри скоро должен наткнуться на Зеркало Еиналеж. По правде говоря, он и сам жаждал найти его. Ему было чертовски интересно: что покажет зеркало ему?

— Амори, ты правда не поедешь домой? — спросил Драко, присаживаясь на край его кровати.

Тот просматривал почту — буря немного утихла, и совы, толкаясь, принесли целую гору писем.

— Увы. Я планировал поискать кое-что в школе, но родители прислали письмо с категорическим требованием вернуться. Так что зимние каникулы я всё же проведу дома.

— О, отлично! Заедешь к нам?

Амори кивнул.

Когда Драко крепко заснул, Амори бесшумно выскользнул из спальни и покинул гостиную Слизерина. Если память ему не изменяла, комната с зеркалом находилась где-то неподалёку от библиотеки.

Прятаться от Филча было задачей утомительной, но искушение увидеть зеркало перевешивало риск. В итоге Амори и завхоз устроили на пятом этаже своеобразные кошки-мышки. Наконец, он юркнул в заброшенный класс, обернулся и понял — нашёл.

Это было величественное зеркало в богато украшенной золотой раме, упиравшееся верхушкой в самый потолок. Оно стояло на двух когтистых лапах, а сверху была вырезана надпись: *ensed stra ehru ayt safru oyton wohsi*.

Зеркало Еиналеж. Оно показывает не лицо, а истинное желание сердца.

I show not your face but your heart's desire.

Амори, дрожа от волнения, подошёл ближе. Что же он увидит?

Когда Амори посмотрел в зеркало, он содрогнулся. По его похолодевшим щекам медленно покатались слёзы. Он протянул руку, пытаясь поймать ускользающий образ, но пальцы коснулись лишь холодного стекла.

— Амори, я вижу, ты разгадал секрет этого зеркала? — раздался за спиной тихий голос Дамблдора. Директор возник из тени, словно ниоткуда.

— Уходите! — ледяным тоном бросил Амори, не оборачиваясь. — Не смейте мешать мне сейчас. Локи!

В ту же секунду перед ним материализовался снежный лис.

— Никого не подпускай. Если кто-то сделает шаг ко мне — перегрызи ему глотку.

Лис пригнулся к полу, издавая угрожающее рычание, и немигающе посмотрел на Дамблдора.

— О, дитя моё... — Дамблдор, казалось, хотел что-то объяснить, но, заметив ярость Локи, лишь вздохнул: — Что ж, тогда возвращайся в спальню поскорее. Тебе нужен отдых.

Директор быстро удалился.

Снежный лис подошёл к Амори и лизнул его в щёку.

— Что ты там увидел?

— Я просто увидел своё сердце.

— Смотреть на себя всегда тяжело.

— Я знаю.

Двадцать четвёртого декабря Амори и Драко сели на Хогвартс-экспресс. Малфой видел, что его друг плакал, но не стал задавать лишних вопросов. Если друг хочет поделиться — он выслушает. Если друг предпочитает нести свою ношу в одиночку — нужно позволить ему сохранить свою тайну.

В этом и заключалось их молчаливое согласие.

И, кроме того, счастливого Рождества!

<http://bllate.org/book/17505/1659365>